

Е. А. Кирюшкина

**КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
ГОВОРЯЩЕГО СУБЪЕКТА**

Данная статья представляет собой попытку определить суть понятия коммуникативно-прагматического пространства как явления, формируемого поочередно каждым из говорящих субъектов, участвующих в коммуникативном взаимодействии, с учетом того обстоятельства, что переданная информация должна быть понята в соответствии с ее первоначальным значением.

Отдельный коммуникативный акт очень часто оказывается только одним из звеньев в цепи коммуникативных актов, совершаемых разными говорящими. Тогда мы

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРНИНЫ

говорим о коммуникативном взаимодействии, или коммуникативной интеракции. В коммуникативном событии такого рода участники взаимодействия обмениваются коммуникативными ролями: говорящим становится то один, то другой из коммуникантов, беря на себя соответствующую роль. Каждый из говорящих, осуществляя свой коммуникативный акт, строит вокруг себя своё коммуникативно-прагматическое пространство. В данном случае имеет место не просто процесс передачи сообщения от отправителя к получателю, в ходе которого первый кодирует, а второй декодирует информацию. Важным элементом этой модели является обратная связь – это реакция получателя на сообщение, которая выражается в ответном сообщении, направляемом отправителю. Ключевой фигурой при этом является отправитель сообщения, его коммуникативная установка, его намерения, так как именно от него зависит реакция получателя информации. Причем отправитель должен стремиться к тому, чтобы его послание было как можно более понятным, четким и убедительным. Эффективность коммуникации характеризуется тем, что переданная информация должна быть понята в соответствии с ее первоначальным значением и замыслом отправителя.

Процесс межличностной коммуникации начинается с того, что отправитель, которым является человек, обладающий только ему свойственным жизненным опытом, устойчивой картиной мира, моделью его восприятия, в какой-то конкретной ситуации составляет сообщение, преследуя определенные цели. В зависимости от цели говорящего, его коммуникативной установки, используемые им языковые знаки могут сообщать объективную информацию или же передавать преимущественно отношение, чувства (симпатии, возмущения), вызывая тем самым эмоциональную реакцию и даже ответные действия адресата. Иными словами, говорящий может использовать язык не только в целях общения (сообщения и получения информации), но и оказания влияния на собеседника.

Следует отметить, что именно говорящим осуществляется соотносительность наименования с объектом/ референтом в речи. Говорящий субъект в зависимости от своей коммуникативной установки может соблюдать или расширять сферу предметной приложимости языкового знака. При этом «равновесие семантической референции и референции-действия говорящего свидетельствует о том, что мы имеем дело с объективным описанием» [1, с. 104], в котором знаки используются преимущественно в своем первичном значении.

Там, где происходит смещение или разрыв семантической референции имени намеренным действием говорящего, возникает вторичное значение как результат особого видения окружающего мира говорящим субъектом:

J'appelle ... le sombre rideau velouté ('le sommeil') qui m'abritait et qui vient de se retirer de moi, me laissant frissonnante et comme nue... " [2, с. 101];

Ses yeux se ferment et j'ai devant moi une insupportable statue de désespoir [3, с. 155].

Намеренное «нарушение» референции имени и тем самым равновесия его семантической структуры вызвано намерением говорящего использовать данное наименование таким образом, чтобы оно отражало его впечатление и, соответственно, отношение к объекту. Своим высказыванием он как бы дает субъективную оценку референту, выделяя его существенные или индивидуально воспринимаемые признаки. Иными словами, «содержание высказывания может быть субъективно только в том плане, что оно есть выражение конкретного познавательного акта, фрагмента, которым оперирует определенный индивидуум и который зависит от способностей этого индивидуума /степень знания, интенция и другие обстоятельства/ переработать информацию в данный момент» [4, с. 57].

Субъективная заинтересованность и даже пристрастность «с которой человек строит проекцию внешнего мира» [5, с. 191] наиболее полно отражается в эмфазе – коммуникативно-прагматической категории «с ценностной ориентацией, которая служит для эшелонирования информации, коммуникативно важной для говорящего в данной ситуации общения» [1, с. 109].

Эмфаза обусловлена «специфическими обстоятельствами акта речи, в которых говорящий проявляет внутреннюю заинтересованность, эмоции, выделяя какой-то элемент информации с тем, чтобы активизировать внимание адресата и усилить воздействие на него» [6, с. 21]. Поэтому необходимо уточнение роли субъекта речи, его коммуникативной установки, поскольку референция-указание говорящего становится решающей для появления вторичного значения.

Например, в следующем тексте: *Mes amours languissent, dit-il... Elles n'ont pour se nourrir qu'une maigre gerbe de souvenirs* [7, с. 110] – представлены воспоминания немолодого уже мужчины о днях, проведенных вместе с очаровательной молодой женщиной. Воспоминания, некогда яркие и живые, потеряли свою остроту: живя в разных странах и общаясь только письмами, они быстро исчерпали общие темы (каждый пишет о том, что интересно ему, но не интересует собеседника), т. е. их любовные отношения постепенно «затухают» (отмирают). Говорящий как бы сравнивает воспоминания угасающего любовного романа с «тощим» пучком, что позволяет воспринять *une maigre gerbe de souvenirs* как образ. Это отдельный ирреальный референт «жалкий пучок воспоминаний».

В выборе субъективных, иногда неожиданных ассоциативных связей и реализуется указание/референция говорящего – его коммуникативная установка.

Семантическая алогичность сочетания на парадигматической оси конкретного имени '*gerbe*' с абстрактным '*souvenirs*' формирует свежесть, повышает экспрессивную новизну модели.

Употребление говорящим неопределенного артикля имеет целью его использование в выделительной функции: переключение семантической стрелки на признаковые семы. На уровне высказывания эта модель становится коммуникативно важным центром – эмфазой, кульминацией с точки зрения говорящего. Именно на этом компоненте как коммуникативном центре акцентирует внимание и выделительный оборот *ne ... que*.

В следующем высказывании: *Ces anciens Templiers semblent former un beau vivier de sorciers, – reprit Poitiers* [2, с. 218] прилагательное *beau* как эпитет входит в «конфликт» с отрицательной семантикой *sorcier* ('*personne qu'on croit en relation avec le diable pour faire des maléfices*' [8, с. 943]), что способствует, в свою очередь, проявлению иронии или даже сарказма как отношения говорящего к сложившейся ситуации.

Сложность формирования вторичного значения состоит, прежде всего, в его зависимости от коммуникативно-прагматического пространства говорящего субъекта (личных ассоциаций, знаний, восприятия, интуиции, эмоций, а порой и настроения и т. д.). Именно поэтому, чем сложнее путь выявления ассоциативных связей, которые мотивируют семантику модели, тем выше их экспрессивность. Механизм формирования данных именных групп как бы повторяет этимологический акт номинации, но за основу берется субъективный (ассоциативный) выбор признака. Таким образом, усиливается роль говорящего субъекта, его коммуникативной установки.

Литература

1 Стрельцова, Т. А. Субъективно-оценочная значимость предложно-именных словосочетаний в современном французском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Т. А. Стрельцова. – Минск, 2001. – 154 с.

2 Druon, M. *La louve de France* / M. Druon. – Paris: Livre de poche, 2014. – 259 p. 3 Colette. *La vagabonde* / Colette. – Paris: Livre de poche, 2005. – 189 p.

4 Колшанский, Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1980. – 149 с.

5 Ляпон, М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений / М. В. Ляпон. – М. : Наука, 1986. – 200 с.

6 Тарасова, А. Н. Категория эмфазы в современном французском языке : дис... д-ра филол. наук: 10.02.05 / А. Н. Тарасова. – М., 2005. – 184 с.

7 Maurois, A. Les roses de septembre / A. Maurois. – Paris: Livre de poche, 2011. – 143 p.

8 Le Robert dictionnaire d'aujourd'hui. – Paris : Édition du Club France-Loisirs, 2007. – 1091 p.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ